

УДК 82-3

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-4-120–127

Д.Т. Велиева, Ш.А. Мазанов

Образ дома. Художественная эволюция от дома-избы к дому-России в тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры»

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; veliyeva.dilshad@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ дома как один из ключевых в художественно-идейной концепции тетралогии «Братья и сестры». Дом в прямом и переносном смысле расширяет семантический фокус и доводится до широкого обобщения от дома–места обитания до дома–страны. В заключительной части тетралогии, объединенной общими местом и героями, продолжают тревожные думы автора о чести, совести, достоинстве и гуманизме. На протяжении трех десятков лет не расставался Абрамов со своими любимыми героями, которым постоянно приходилось доказывать необходимость коренного перелома страны, в частности русской деревянной «избы».

Отношение к дому определяет характер героев и обосновывает абрамовские симпатии в изображении любимых персонажей «Братьев и сестер».

Распад духовно-нравственных ценностей в заключительном романе «Дом» противопоставляется единству народа и моральных идеалов крестьянского сознания в первой части цикла.

Образ дома в тетралогии «Братья и сестры» выступает духовным портретом семьи Пряслиных. Его атмосфера раскрывается в зависимости от отношения каждого представителя семьи к главной ценности крестьянского труженика – к дому. Стойкость малого пряслинского дома становится возможной только путем обретения дома общенародного, и эрозия ценностей Пряслиных обусловлена не только патриархально-нравственными, но и религиозно-философскими причинами.

Ключевые слова: дом, художественный образ, семейная повествовательная линия, «деревенщики».

Образ дома – один из часто встречающихся в литературе XIX–XX веков образов, являющих в своем развитии продолжение лучших традиций русской классической литературы и вместе с тем намечающих новые художественные искания в прозе 50–60-х гг. XX в. Дом шифровал ключевые узлы прозы «деревенщиков», расширял символическое пространство от конкретного жилищного места, умножая ассоциативный ряд стилевым укладом жизни, устоявшимися традиционными векторами бытия, эстетическими вкусами эпохи с ее неповторимой культурой нации, нравственно-идеологическими авторитетами, индивидуалистическими прогнозами и частными семейными ценностями. Дом в эмпирической ипостаси, рожденный из конкретно бытовой сферы, обнаруживает в себе сакрально-мифологические пласты, семантическую многослойность, что позволяет ему выходить за рамки жилища-постройки до пристанища души. В творчестве многих русских писателей XX века образ родного дома твердо соотносится с Россией, ее многовековым укладом и судьбой.

60-е гг. XX века знаменуют приход на смену литературным предшественникам сибирской деревянной избы, философски расширившей границы изолированного мира деревни, и ее выход за черту крестьянских углов до целой России, общей земли, планеты.

В «Прощании с Матерой» Распутина одна из сибирских деревень России испытывает на себе отрицательное влияние технических реалий и показывает, как крестьянин выстраивает свое отношение к вторжению прогресса. Затопление деревни вынуждает жителей покинуть островок северного края и найти новую почву, чтобы пустить корни крестьянской жизни. Автобиографическая повесть наиболее емко раскрывает образ дома в сцене прощания Дарьи, переживающей большую трагедию, с избой. В последний путь ее провожает старуха – выбелив стены, что хранят любовь хозяйки, дыхание царской лиственницы, возвеличивающей Матеру посреди острова на Ангаре.

Много деревень полегло в интересах строительства плотин. Вместе с ними «уходили под воду» человеческие связи с природой, с малой родиной, с отчим домом. Обреченная на сожжение Матера символизирует уход деревни на рубеже 70-х гг., став жертвой строительных решений, дорого заплатив за новое техническое будущее.

Близка к образу Дарьи старуха Анна из повести «Последний срок», которая замечает, как духовно гибнут ее дети. Болезнь века, охватившая людей, парализует в них чувство сопричастности, сопереживания, их души становятся безлики и перестают держаться кровным родством с родной землей, с природой, с общечеловеческим домом, в котором сокрыта тайна смысла жизни, существования.

Тревожные мысли Распутина продолжают развиваться в повести «Пожар». Родная земля, дом, природа не представляют ценности для героев, духовно обедневших, опустившихся до пьянства. Пожар в уютном, неблагоустроенном поселке вытаскивает наружу нравственное падение человека. Смерть добродушного старика Миши Хампо в финале символизирует духовный упадок, разорение души, совести и памяти людей.

Архетип дома как связующее звено между человеком и его землей семантически расширяется в «Последнем поклоне» Астафьева. Отрыв от родной почвы грозит беспомощностью, бесприютностью человека во внешнем мире хаоса и дисгармонии. Его душевное равновесие ставится в прямую и необратимую зависимость от порядка и благоустройства домашнего очага, когда хлебосольная бабушка потчует гостя в доме, заботливо убранном, теплом и пронизанном любовью его хозяйки, что отмечено славянской нормой национального быта. Летопись сибирской жизни крестьянства во многом автобиографична и вбирает в свой художественный мир авторскую ностальгию по утраченной деревне, сформировавшей светлые годы детства Астафьева. Витя Потылицын преодолевает жизненные бури, заручившись мудростью бабушки Катерины Петровны, воплотившей идеал жизнестойкости русской женщины. Многие образы портретны, они детально срисованы с авторских воспоминаний и развиваются в такт исповедальным ладам Астафьева, который находится в поиске идеального мироустройства, возвращенного духовным опытом стариков, и ценностных опор семейного микрокосмоса, где клочок земли разрастается до общего дома народа, страны, человечества.

Судьба русского дома стойко прошла через нескончаемую сеть социально-исторических событий, была обременена тяжестью времен Гражданской войны, индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны, пятилеток. Не раз ему приходилось отражать удары нового советского режима, которые, казалось, могли бы пошатнуть стойкость непоколебимого духа. Но крепость его стен всегда поддерживалась и возрождалась силой народной.

Все четыре книги – «Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом», – объединенные в тетралогию, открывают эпопею трагической судьбы

русской крестьянской деревни на протяжении трех десятилетий – с 1942 по 1972 г. Заключительная часть тетралогии стала новым этапом, во многом оправдавшим художественно-идейные акценты романа «Дом». Другое время и отношение к нему пекашинского жителя определяют наметившиеся изменения авторского мировидения, его заострившегося вкуса к проблемам страны, деревни, жителя и уходящей избы.

В традиции семейного романа повествуется о судьбе Пряслинского рода, с историей которого читатель знакомится еще в первой части тетралогии. На дворе 70-е годы, новая социально-политическая обстановка. Абрамов со свойственной ему трезвостью мысли, холодностью ума и горячностью переживающего сердца продолжает разговор о «скинувшей уже плащ старины» современной деревне. В заголовок романа выносятся новый дом Михаила, старая пряслинская развалюха, ставровская хороба, заброшенные и новопостроенные дома и метафорический заглавный дом – символы крестьянской души, истории народа, вековечного уклада деревенского мужика.

Как подчеркивает Е.В. Карсалова, дом в романе является не просто местом, где живет человек, он открывает завесу на душевный портрет героя, его жизненные стремления и ценности [9, с. 37].

Роман Абрамова выносится как роман-обобщение, роман-завещание, где образ дома расширяется до масштабов России, если говорить словами Калины Дунаева, которому «вся страна домом была...». Каждый человек, кладя кирпич за кирпичом, строит свой предметный и духовный дом.

Выцвела деревня, осиротела домашняя скотина, русский человек не пахнет уже зеленой травой, сеном и хлебным духом. Исхудали в пекашинском сознании освещенные традициями добродетели: самоотверженный труд, ответственность перед землей-кормилицей. Прежняя верность матушке-земле заросла кустарником безразличия и безучастия. В сердце землевладельца зарождается противоестественный курс на изобилие, потому как «...сейчас не старые времена – бедность не в почете...». Наизнанку выворачивают пекашинцы свои проделки бесчестной наживы, например как это делает Паха Баландин; не скрывают механизаторы грабеж лесных угодий и пищевых продуктов; бесстрастно посягают на семейные ценности, хранящие воспоминание об отце, к примеру как Родион, укравший золотое кольцо Анфисы Петровны, чтобы добиться ничтожной радости распутной девицы.

Тридцать лет отделяет событийная канва романа «Дом» от 1942 года – точки отсчета времени действия первой части тетралогии «Братья и сестры». Казалось бы, за богатырскими плечами деревенской судьбы остались тяготы Гражданской войны, кровь, голод и холод Великой Отечественной, пот первых следов пятилетних плановых работ – и вот она тихая и мирная пекашинская жизнь со всеми вытекающими прелестями деревенского быта. Однако Пекашино «утопает» в грязи боевых «схваток» производственного масштаба.

Еще в первой книге цикла мы видим совершенно разные жизненные позиции Михаила и Егорши. На фоне равнодушия Егорши к земле, отрыва от родного дома в желании странствовать по миру и сеять в каждом народе свое зерно делают еще привлекательнее Пряслина со строгой неуклонностью от колхозного дела, с любовью ко всему, что составляло норму крестьянских будней, будь то пахота, сенокос, жатва, уборка полей, заготовка лесов и т. д. И даже перерождение беспутного Суханова-Ставрова в «Доме» кажется немислимым, искусственно натянутым автором. Но к концу тетралогии ослабевают приоритеты крестьянской жизни уже повзрослевшего Михаила, умудренного сороколетним опытом, у которого семья, жена и дети.

Надлом единства, утрата общечеловеческих связей уродовали лик деревни, оживающей традиционно-эстетические законы. Она перестала быть носителем мудрости старины.

Трагедия деревни насчитывает около пяти десятков лет истории ее разорения. И те социально-экономические и политические точки, обозначенные в романе, уходят своими корнями в историческое прошлое, на что указывают многочисленные воспоминания героев о прошлом (особенно рассказы «из Жития Евдокии-великомученицы»).

«Дом – это не просто заголовок романа, не просто дом Ставрова, завещанный Лизавете, и даже не просто символ домашнего очага. Дом становится синонимом единства народа, его нравственной основы, становится его связью с родной землей, с хлебом, с самим существованием народа» [6, с. 167].

Многие литературные произведения Абрамова «рождались» из его опыта, чувства и ритма миропостижения, но так наглядно и броско они проявили себя только в «Братьях и сестрах». Автор духовно зреет со своими персонажами. Он переживает идею, время, историю и эпоху. Политические интересы требовали особого отношения человека к деревне. Сельский житель стал дезориентирован в мнимом благополучии. Духовно ослабевши, он не был готов к легкой жизни. Материальный достаток вылился в потребительские страсти, в полную свободу и безответственность перед бескорыстным трудом, чахнувшей землей и домашней скотиной. Социально обустроивая жизнь и обставляя ее предметным миром индустриализации, люди стали терять себя – морально стойких, нравственно возвышенных, и приобретать – корыстолюбивых, расчетливых и циничных. Изменяя прошлым авторитетным принципам, сельский человек мельчает в своих интересах. Не могла принять деревня на свою долю материальное испытание в форме машинной техники. Каждый житель подстраивал свой трудовой день под городской рабочий график. Народ не хотел «рвать» себя как прежде, ибо таил надежду на жизнь «легкую», лишенную ударного труда.

Утрата ценностей деревенского строя вызывает потерю смысла бытия. Для пекашинского люда этот вопрос решается крайне сложно – водкой. Не помнит Пекашино на своем веку такого «цветущего» пьянства.

Оскудевшие интересы опытных «отцов» и неумелых «детей» выступают главным образом как результат насаждающей системы приспособленчества и стяжательства Таборского. Согласие с подобной политикой жизни выступает единственно возможным инстинктом поведения и существования. Но такой «демократизм» не по вкусу Михаилу: для него имеет значение куда и какой гвоздь забивать. Уход Таборского в финале романа не случаен: духовные ориентиры и нравственные позиции пекашинцев получили раскол вследствие его правления, что ускорило процесс морально-социальной деградации жителей деревни. В последнем романе цикла о Пекашине читатель вспоминает бывшего секретаря райкома Подрезова, надломившегося над своим домом. Огромные недостроенные валуны заложенного фундамента новой постройки перекликаются с твердым накалом, волевым максимализмом непростой личности. Масштабность идей, широкий размах задач и целей, слепое упорство раболепно подчинять всех решению правящего руководства, демонстрация личным поведением неразумного практицизма, во что бы то ни стало соответствовать заявленным стандартам губительны в своей основе. Умение «зажечь» людей словом и вести за собой толпу выливалось в крайность такой политики жизни, наметившей деспотические пристрастия в хозяйственной иерархии.

После ухода старого начальника, полная ответственность за его лихие проделки легла на совесть Михаила Пряслина. Нет иной почвы для воскрешения абрамовских

идеалов. Не может дотянуться Виктор Нетесов до старшего Пряслина: в нем уже доминирует немецкий прагматизм, что в своей основе говорит о нерусскости такой черты. Он не видит дальше своего маленького дела и довольствуется честностью его исполнения. Дом в первую очередь – зеркало его хозяина. Он выступает центральным понятием характеристики героя. Каким мы видим старый пряслинский дом, который когда-то кипел жизнью, и в радости, и в горе был полон любовью и дружбой шестерых пряслинских «щенят»? Старые уродливые камни, отполированные умелыми руками, сгорбившегося, осевшего дома когда-то питали и освещали разрознившуюся семью. А сколько же этих старых домов с вековыми отцовскими традициями было захоронено в пекашинской земле его же обитателями!

Михаил переживает семейный раскол. Достаток в новом доме с полированным сервантом и диваном с откидными подушками не может насытить глаз хозяина и утолить тоску по старой «пряслинской развалюхе». Душой и сердцем он в обветшалой фамильной избе, где вместе пережили голод в военное и послевоенное время, когда вся пряслинская орава «сбившись в одну кучу, отсиживала на печи». И чем же склеить ему прошлое единство? Каким словом и поступком скрепить человеческий союз? Ответ на животрепещущий вопрос вынесен в заглавие романа, которое издревле было многозначной категорией – домом. Пространство его ширится на протяжении всей тетралогии, в которой, как берега, сходятся семья, колхоз, деревня и целая страна. Он прокладывает вместе с героями нравственно-духовный путь от дома-избы до дома-души человеческой. Весь раздор, спровоцировавший сельскохозяйственный процесс, вызван прежде всего расколом (внутренним и в то же время предельно широким) дома. Не зря ведется подробный разговор про семейную линию Пряслиных. Для Абрамова они не просто любимые персонажи, именно в них скрыт художественный ключ идейно-философской позиции писателя. Через их разрозненные временем и обстоятельствами судьбы раскрываются многие противоречия, коллизии общества и отдельного человека. Через них автор многое говорит читателю, потому что вся пекашинская вселенная зиждется на семейных ценностях пряслинской породы. Как ни печально осознавать, но многое поменялось и в частной семье Пряслиных со времен 1942 года. Близнецы с младшей сестрой Татьяной справляют жизнь в городской среде, Федор кочует по тюрьмам, горькой виной живет Лиза порознь с Мишей, который все больше травится благоустройством и убранством отстроенной хаты.

Расшатывание дома народной души показано через семью Пряслиных, олицетворявшую прежде всего дух русского народа, с присущими ему жизнестойкостью, трудолюбием, совестью, честностью и бескорытием. Озираясь на деревенские дома, перед Петей Пряслиным проплывает жизнь двадцатилетней давности, где он жил напополам с Гришей, вместе, сотканными в один лоскуток семьи. Преодолев восьмилетнюю ненависть за автономное саморазвитие, за личную жизнь, возведенную на алтарь братской «любви», Петр излечил злобу к своему двойнику, а следовательно, и к самому себе благодаря несмываемым детским воспоминаниям об окрестностях, хранящих дух пекашинских домов. Возмущен Петр тем, как Борька и Нюрка Яковлева судят тятин дом, что по закону и завещанию Степана Андреяновича принадлежит Лизе. Уверенные, что в имущественной правоте совесть Лизы не выстоит против бесчестных наживателей, они нахально продолжают разбазаривать когда-то крепкую ставровскую хорому. Младший брат понимает, что на каждого рвача закон найдется, да только живет Лиза в согласии со своей нравственной чистотой и безграничной совестью. Не может она избавиться от чувства вины за поруганную «честь» ставровского дома и «...никакими молитвами... не замолить вину перед Степаном Андреяновичем...».

Отстояв в нравственной схватке патриархально-этические авторитеты крестьянского сознания, Петр в крайне символической форме сохраняет их для нового пекашинского поколения, когда переносит деревянного коня с «разрубленного» ставровского дома на рукотворно «воскресшие» пряслинские хоромы.

Жизнь пряслинского дома оказывается возможной при сохранении дома общечеловеческого, общенародного, и атмосфера его разряжается только при крепости духовно-нравственных опор семьи. Причина распада прежних отношений между Пряслинами имеет христианско-философскую подоплеку: социально-духовная несостоятельность героев связана с нарушением библейских заповедей, которым должен следовать христианин в потоке земных соблазнов. Противоестественная натуре Михаила гордыня за достигнутое материальное превосходство и благосостояние нового дома делает его глухим к трагедии родной сестры Лизы. Слепо осуждая ее, он сознательно игнорирует евангельский наказ о милосердии Бога, его всепрощающей силе.

Петр на пути преодоления злобы к ангельскому Григорию и ненависти к самому себе. Духовно разлагается фигура Суханова, от собственной бесприютности и забитости разжегшего войну со ставровским домом.

Заключительный роман тетралогии, раскрывающий состояние дома, деревни, России, развязывается трагически. Парадное водружение ставровского коня оборачивается большой трагедией: старый конь, когда-то виновато глядевший в спину Лизы, обрушивается на ее тело. Смерть героини не обусловлена исключительно сюжетным ходом, потому как служит источником нравственного прозрения остальных героев тетралогии.

Авторские поиски воскрешения дома на почве хозяйственных преобразований, смены политики руководства в новых социально-экономических импульсах не находят разрешения конфликта, однако в абрамовских героях созревают ментальные реформы: духовно открыт к переоценке личной жизни и семьи Лизаветы Петр, взявшись за отстройку фамильной избы. Слеза раскаяния блесит на глазах Михаила, ценой трагических переживаний признавшего свою неправоту перед сестрой и племянниками. «И с новой силой утверждается мысль о том, что дом – это братское единство людей в труде, в борьбе, в страданиях, в радости, горе и надеждах. И нет дома более устойчивого, нет защиты более верной, чем такой дом» [4, с. 187].

Действительно, вся повествовательная линия о Пекашине и Пряслиных была путем к обретению такого сознания: к нему идут, падая и духовно возрождаясь, но легкие пути неотвратно ведут в никуда – в нравственный распад человека.

Литература

1. *Абрамов Ф.А.* Братья и сестры: роман; в 4 кн. – М.: Современник, 1980. – 558 с.
2. *Абрамов Ф.А.* Дом: повести; рассказы; публицистика. – М.: Высшая школа, 1988. – 671 с.
3. *Абрамов Ф.А.* Пути-перепутья: роман. – М.: Современник, 1973. – 270 с.
4. *Акимов В.М.* Быть дому вечным. Тетралогия Ф. Абрамова // Наш современник. 1980. № 2. – С. 179–187.
5. *Бабаева М.Б., Мазанаев Ш.А.* Своеобразие изображения женских образов в повестях В.Г. Распутина // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. – С. 53–57.
6. *Бондаренко В.Г.* Береги дом свой // Дон. 1979. № 10. – С. 167–172.
7. *Вуколов Л.И.* Построй свой дом // Октябрь. 1979. № 8. – С. 220–221.

8. Галимов Ш.З. Федор Абрамов. Творчество, личность. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. – 251 с.
9. Карсалова Е.В. Русский дом: жизнь и судьба–сквозь годы испытаний // Литература в школе. 2004. № 9. – С. 32–39.
10. Красикова Е.В. Главный дом // Русская речь. 1998. № 5. – С. 26–34.
11. Мазанаев Ш.А. Деконструкция постмодернизма и зарождение нового реализма в современной русской литературе // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4. – С. 39–44.
12. Мазанаев Ш.А. И.С. Тургенев и литературное двуязычие // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4. – С. 32–38.
13. Мазанаев Ш.А., Бабаева А.М. «Синдром Петрушки» Дины Рубиной как роман-метафора // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1. – С. 45–51.
14. Мазанаев Ш.А., Бабаева А.М., Гончарова Е.А. Диалог культур в сюжете романа Орхана Памука «Рыжеволосая женщина» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1. – С. 29–35.
15. Нажмутдинова Д.М., Мазанаев Ш.А. «Последний срок» В. Распутина: время и пространство и различные формы их воплощения в повести // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. – С. 65–72.
16. Недзвецкий В.А. Война и мир в Пекашине // Литература в школе. 2000. № 3. – С. 32–39.
17. Оклянский Ю.М. Дом на Угоре. – М.: Художественная литература, 1990. – 206 с.
18. Хронотоп в романе Ф. Абрамова «Дом». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-v-romane-f-abramova-dom/viewer>

Поступила в редакцию 30 мая 2023 г.
Принята 26 июля 2023 г.

UDC 82-3

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-4-120–127

The Image of the House. Artistic Evolution From the House-Hut to the House-Russia in F. Abramov's Tetralogy "Brothers and Sisters"

D.T. Veliyeva, Sh.A. Mazanaev

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; veliyeva.dilshad@mail.ru

Abstract. The article considers the image of the house as one of the key ones in the artistic and ideological concept of the tetralogy "Brothers and Sisters". The house literally and figuratively expands the semantic focus and is brought to a broad generalization from the house-habitat to the house-country. In the final part of the tetralogy, united by common place and heroes, the author's dis-

turbing thoughts about honor, conscience, dignity and humanism continue. For three decades Abramov did not part with his favorite heroes, who had to prove the need for a radical change of the country, in particular the Russian wooden "hut", from page to page.

The attitude to the house determines the temper of the characters and justifies Abramov's sympathies in the depiction of the beloved characters of "Brothers and Sisters"

The disintegration of spiritual and moral values in the final novel "House" is contrasted with the unity of the people and the moral ideals of peasant consciousness in the first part of the novel cycle.

The image of the house in the tetralogy "Brothers and Sisters" acts as a spiritual portrait of the Pryanin family, its atmosphere is revealed based on the attitude of each representative of the family to the main value of the peasant worker – to the house. The persistence of the small Pryanin house becomes possible only by acquiring a nationwide house, and the erosion of the values of the Pryanin is due not only to patriarchal-moral, but also religious-philosophical reasons.

Keywords: house, artistic image, family narrative line, "hillbillies".

Received 30 May 2023

Accepted 26 July 2023